



ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
MYST

книги от мастера мистического триллера:

Дикий пляж

Дом в овраге

Корень зла

Кристмас

Кукла

Кулинар

Льдинка

Медиум

Нечто

Приют

Трофики

В моей смерти прошу винить...

Фрагменты

Паразит

Сначала было весело

Невыживший

Людоед

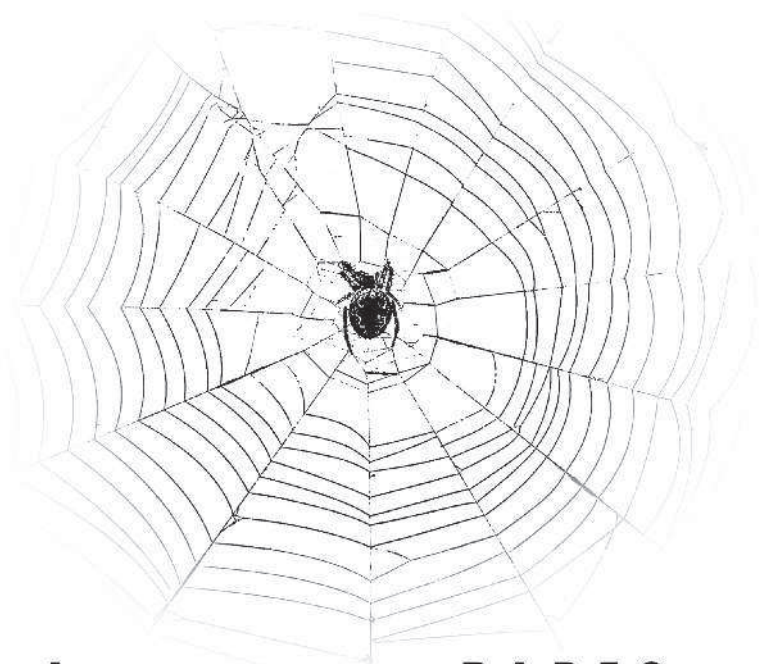
Мертворожденный

Не та дверь

Куколка

Пуповина

Прах



А л е к с а н д р В А Р Г О
и «Апостолы Тьмы»

ПРАХ



Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В18

Варго, Александр.
В18 Прах / Александр Варго. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 352 с.— (MYST.
Черная книга 18+).

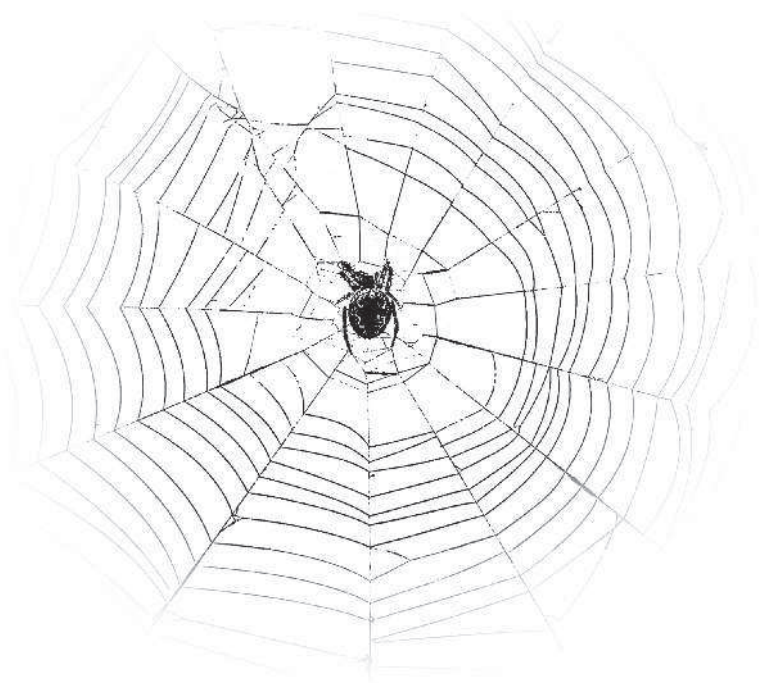
ISBN 978-5-04-091852-2

Берег Охотского моря. Мрак, холод и сырость. Но какие это мелочи в сравнении с тем, что он – свободен! Особо опасный маньяк сумел сбежать во время перевозки на экспертизу. Он схоронился в жутком мертвом поселке на продуваемом всеми ветрами мысе. Какая-то убогая старуха, обитающая в трущобах вместе с сыном-инвалидом, спрятала его в погребке. Пусть теперь ищут! Черта с два найдут! Взамен старая карга попросила его отнести на старый маяк ржавую и помятую клетку для птиц. Странная просьба. И все здесь очень странное. И почему ему кажется, что он здесь уже когда-то был? Он пошел, а в голове крутилось последнее напутствие старухи: успеть подняться на маяк до рассвета, пока с моря не придет плотный липкий туман...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

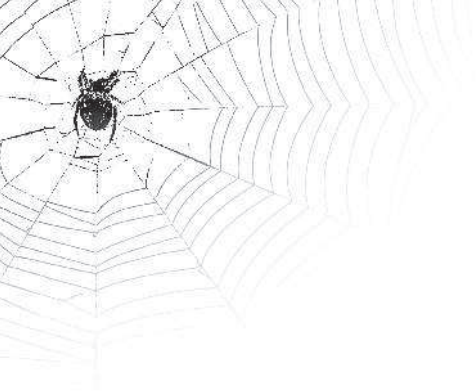
© Варго А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э»,
2018

ISBN 978-5-04-091852-2



А л е к с а н д р В а р г о

ПРАХ



Все происходящие события, имена
и географические названия являются вымыслом
автора и их совпадение с реальностью случайно.

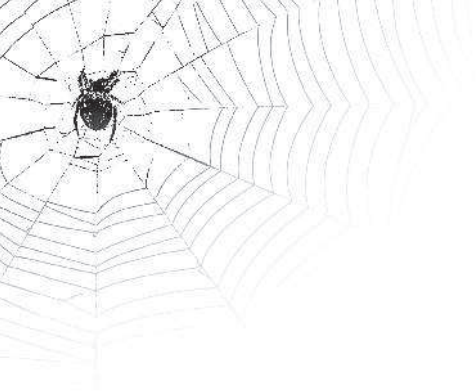


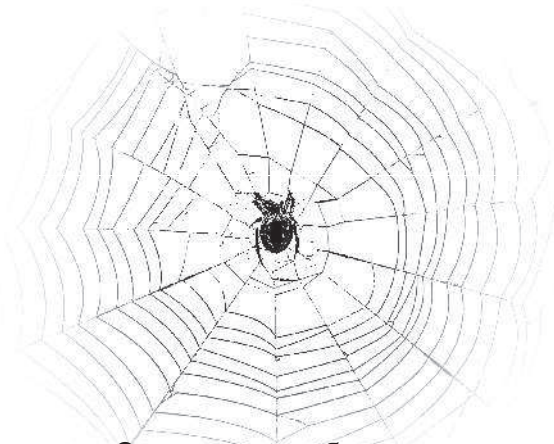
*«Наше прошлое куда туманнее
нашего будущего, потому что
о будущем труднее соврать...»*

Народная мудрость

*«И души бывают в тумане,
В таком, что ищут маяк.
Забывать бы им об обмане,
Усвоить, что жизнь — пустяк...»*

Наталья Гора





**Сахалинская область,
полуостров Деминск,
берег Охотского моря,
16 сентября 2017 года**

С морских просторов, уныло завывая, дул пронизывающе-колкий ветер, взлохмачивая без того сбившуюся в засаленные колтуны шерсть ободранного рыжего кота. Хрипло мяукнув, хвостатый уставился своим единственно уцелевшим глазом в сторону пустынного берега. Своего второго глаза кот лишился в ожесточенной схватке с сородичами из-за дохлой вороны пару лет назад. Было бы не так обидно, если бы взамен органа зрения в качестве некой компенсации ему досталась бы эта громадная хреновина с клювом и крыльями, но тот день был явно не его, и Великий Кошачий Бог (если он, конечно, существовал) не благоволил ему. В итоге истерзанный и начинающий пованивать труп вороны достался другим, а он, ослепленный жгучей болью, визжа и мяукая, был вынужден отползти в сторону, выти-

рая с носа липко-розовую жижу — все, что осталось от глаза.

Впрочем, Дын (так звали кота) вскоре забыл о своем поражении, тем более что дырка в пустой глазнице быстро зарубцевалась. Новый день приносил новые испытания — урчащий желудок настойчиво требовал жрать; бродячие собаки вконец озверели и, настигая кого-либо из его собратьев, беспощадно рвали в клочья; неумолимо надвигались суровые холода... на фоне чего потеря глаза казалась сущим пустяком. Точнее, крошечный мозг животного и думать забыл об этом — тем паче, что второй глаз видел превосходно.

Дын снова мяукнул и засеменял прочь. Через несколько минут появилась неказисто-серая полуразрушенная трехэтажка с обвалившимися балконами, обрамленная буйными зарослями кустарника. Из пустых оконных глазниц веяло затхлым тленом и пустотой. Лишь на первом этаже окна были старательно затянуты полиэтиленовой пленкой, мутно-серой, местами поцарапанной и грязной, но вполне способной защитить от сильного дождя.

Когда-то за двором, как это общепринято в цивилизованном городе, следили коммунальные службы, ежедневно убирая и вывозя мусор, кустарники и газоны аккуратно подстригались, а бордюры и газонные ограды регулярно обновлялись

ПРАХ

свежей краской. Теперь же истрескавшиеся под воздействием времени и погодных явлений бордюрные блоки напоминали раскрошенные зубы великана, а изогнуто-проржавевшие ограды так и просились на свалку, даже не претендуя быть сданными в металлолом.

Помочившись, Дын закопал влажное пятно. Фыркнув, он вспрыгнул на ступеньки, сплошь покрытые сколами, как вдруг замер и резко обернулся. Слипшаяся на загравке шерсть поднялась дыбом.

Из пожухлого кустарника неторопливо выползла крупная облезлая крыса. Грязно-розовый хвостик мягко обвил лапы грызуна, блестящие глаза-бусинки изучали кота пронзительно-холодным взглядом. Создавалось ощущение, что крыса совершенно не боится животного, которое по всем законам природы является охотником на него самого.

Остатки рваных ушей Дына слегка приподнялись, он припал к ступенькам и, вытянув вперед тощую шею, яростно зашипел. Крыса молча наблюдала за котом, и лишь когда тот, возмущенный ее спокойной реакцией, спрыгнул со ступеньки, с подчеркнутой ленцой уползла обратно в кусты. Несколько секунд Дын неотрывно глядел ей вслед, затем чихнул и, быстро потеряв интерес к крысе, снова заспешил в дом. Входная дверь отсутствовала уже

лет пять, и кот беспрепятственно прошмыгнул в зияющую черную дыру, ведущую в стылый подъезд.

Миновав прислоненный к стенке измятый почтовый ящик, он остановился у одной из квартир. Она была единственная в доме, где еще имелась дверь — обшарпанная, потемневшая от въевшейся грязи и плесени, но все же это была дверь, которая открылась с протяжным скрипом, едва Дыну стоило поскрестись когтями.

Наружу выглянуло старушечье лицо землистого цвета, сплетенное из глубоких морщин. Казалось, если сунуть монетку в одну из заиндевевших складок, она так и останется там торчать.

— Это ты, старый обормот? — прокаркала пожилая женщина. У нее был такой вид, будто с минуты на минуту она ждала курьера с дымящейся пиццей и была раздражена, когда вместо него перед ее глазами предстал помойный кот с торчащей колтунами шерстью.

Впрочем, никаких курьеров и пиццерий тут не было и в помине. Не только в округе, но и в радиусе десятка километров как минимум. Ранее процветающий и подающий надежды Деминск, будучи крупным морским портом, всего за пару десятилетий обезлюдел, выцвел и усох, как сброшенная кожа змеи. Города, по сути, не было, он был давно мертв.

ПРАХ

— Для тебя жрать нечего, — предупредила старуха, пропуская кота в жилище. — Надеюсь, ты поймал какую-нибудь ленивую мышь.

Он потерся о темные, испещренные гроздьями лилового варикоза ноги старухи и уже неспеша двинулся вглубь помещения.

Вздыхая, старуха прикрыла дверь и зашаркала следом. На ней был измято-выцветший балахон с накинутым на голову капюшоном и ветхая, протертая до дыр юбка, закрывающая до колен костлявые ноги, обутые в пыльные калоши. Поражала неестественная и даже жуткая худоба и сухощавость этой странной, неряшливо одетой женщины — ее словно выжали, как мокрую губку, а затем положили на подоконник, под лучи палящего солнца, где она основательно усохла, съежилась и растрескалась, и лишь после этого ее швырнули за окно, как окаменевшую воблу. Однако вопреки законам биологии это несчастное создание вдруг ожило, поднялось на ноги и, кряхтя, поплелось по своим делам.

Дын обошел все углы, старательно принюхиваясь, и, не найдя ничего съестного, остановился возле самодельной, донельзя закопченной печки.

— Мяс, — на всякий случай подал он хриплый голос.

— Пошел на хрен, — не глядя на него, буркнула старуха. Она стояла на так называемой кухне, окидывая внимательным взором расставленную на дряхлом столе нехитрую провизию — несколько черствых лепешек, две вяленые рыбы, мутную банку с сушеными ягодами и яблоко с коричневым боком.

Женщина озабоченно покачала головой, затем взяла одну лепешку, зачерпнула мятым ковшиком воды из стоявшего поодаль ведра и заковыляла в другую комнату. Там, у окна, в скособоченной инвалидной коляске притулился высокий тощий мужчина. Наголо выбритый череп и чрезвычайно худое лицо, как и у пожилой обитательницы дома, делали его похожим на узника концентрационного лагеря. Он постоянно моргал, как если бы не был до конца уверен, где явь, а где сон.

На нем был засаленно-белесый спортивный костюм, и лишь при ближайшем рассмотрении можно было догадаться, что когда-то он был черным. Обмякшие ноги неестественно свисали с просевшего сиденья, словно два чулка, набитые мусором. На коленях молодого человека лежала неоконченная поделка из деревяшки — кошачья оскаленная морда. Верхняя часть

ПРАХ

штанов и весь пол под инвалидом были усеяны стружками.

— Я скоро уйду, — сказала старуха и, помедлив, прибавила: — постараюсь вернуться как можно скорее.

Ее взор уткнулся в резак, который сжимал в руке мужчина.

— Смотри, не порежешься.

— Д... Дын, — всхлипнул он, тыкая пальцем в деревянную поделку.

— Ага, я вижу. Знаешь, очень похоже, — похвалила старуха. Новый порыв ветра зашевелил мутную пленку, иссеченную царапинами, как старый пиратский парус. Она подошла к окну и, приникнув к крохотной дырочке в полиэтилене, прошептала:

— Так я и предполагала. Ветер усиливается. Так все и должно случиться. Дай-то Бог...

— Не... ходи, — с усилием выдавил сидящий в коляске.

Старуха погладила его по голове. Недавно сбритые из-за вшей волосы уже начали потихоньку отрастать, и череп инвалида был шершавым, как наждак. Но она любила эти прикосновения. Как и своего беспомощного сына.

Он умоляюще смотрел на нее, и та с болью подумала о собаке, которая сморщит своими влажными глазами на уезжа-